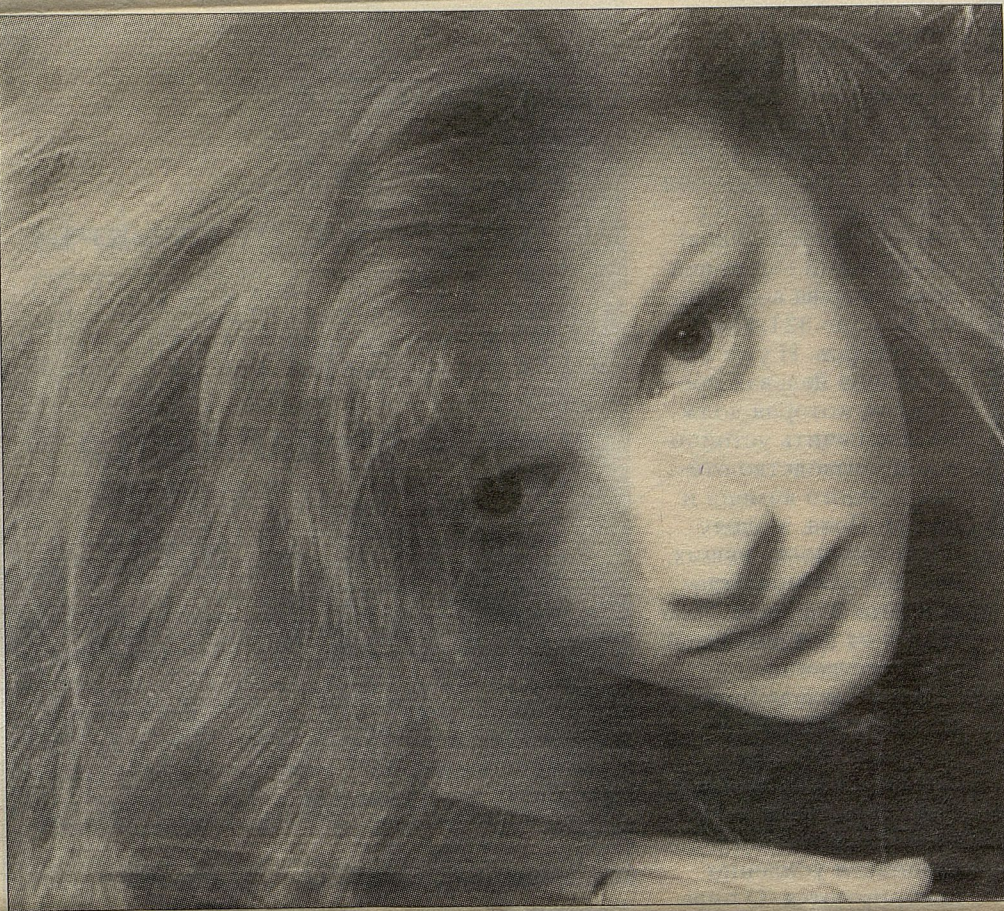

Послезавтра о ней узнают все

Матвей Масальцев

13 СЕВЕРНОГО АРХИВА МАШИ КАЦ

Маша Кац — одна из лучших блюзовых вокалисток страны. Ее голос стоит дорого, однако очень востребован музыкантами всех мастей: фамилия Кац на альбомных обложках встречается так часто, что буквально в глазах рябит. Она могла проснуться действительно популярной на всю Россию, став в 1994 году первой российской участницей Евровидения.

На том конкурсе Маша выступила под псевдонимом Юдифь и завоевала почетное девятое место, тогда как страны-дебютанты никогда не поднимались выше 18-го. Парадокс — ее до сих пор знают и ценят только узкий круг любителей да музыкальные профессионалы.

— Вы довольны уровнем популярности, который принесло вам то выступление?

— Тогда невозможно было оказаться довольной. Я как музыкант знала, что такое Евровидение, хотела всегда попасть туда. Но в стране никто не подозревал, что это такое. И только после того, как там выступили Филипп Киркоров, Алла Борисовна Пугачева, на конкурс начали обращать внимание.

— А что сейчас происходит с вашим личным творчеством?

— У меня очень много идей. Два года назад записала альбом «Поколение любви». Это был эксперимент в стиле евроденс — мне не свойственном, потому что я всегда считала себя блюзовой певицей. Но эксперимент мне удался. Другое дело, я себя иногда не узнаю там. А сейчас идет накопление информации для того, чтобы приступить к другой большой работе.

Еще сейчас происходило озвучание фильма «Чикаго», и поскольку я принимала определенное участие в создании мюзикла «Чикаго» у нас, мне очень интересна эта работа.

— Личные цели каковы?

— О, вы что! У меня совершенно наполеоновские цели. Если расскажу — подумают, что я ненормальная. А в общем — хочу в музыкальном плане достичь всего, что будет возможно. Еще хочу прочесть все книжки, побывать во всех странах, во всех музеях, на всех театральных постановках, которые меня интересуют, посмотреть все кинофильмы. Наверное, главная цель — любопытство. С этим флагом можно многого достичь.

— То есть нельзя сказать, что «завтра обо мне услышат все»?..

— ...А послезавтра обо мне все забудут. Этого я не хочу. Мне интересен поиск, а не мучения, как продавать свои песни. Но быть полностью сумасшедшей в этом плане я тоже не имею права. Нужно найти компромисс. И как только он будет найден, тогда вся страна, весь мир узнают обо мне (улыбается). А процесс раскрутки очень циничен, очень банален. Есть деньги, значит, можно купить хороших специалистов, которые и посоветуют, и сделают все, как надо. В итоге ты состоишься... на год, на два, а дальше начнутся внутренние искания. У любой творческой личности начинаются терзания: то ли я делаю, туда ли я иду, на что я трачу жизнь, чем я занимаюсь.

А продюсер всегда заинтересован в подконтрольном артисте, человеке, который будет делать все, что от него требуется. А, как правило, люди гармонично развитые — такие же вредные, как я, думающие, мечтающие. Они все время хотят спорить. Внутренние терзания, депрессии и творческие похмелья мешают зарабатыванию денег.

Мне говорят: «Спой сначала хит, а потом делай что хочешь». Я всегда на это отвечаю: «Назовите хоть одного исполнителя, кто так сделал — сначала

спел хит, а потом стал делать то, что хочет и как хочет. Нет таких людей!» Все остаются певцами одной песни. Ведь для того, чтобы донести что-то свое творческое до публики, я должна пройти большой путь программных директоров, системных менеджеров, менеджеров низкого звена, среднего звена, добраться до верхнего звена. И каждый должен мне, творческой единице, высказать свое мнение о моем продукте. Далеко не профессиональное мнение, потому что в основном это люди, окончившие технические вузы и не понимающие даже, что такое вокальные фразировки... Все это в итоге снижает самооценку артиста, и когда он добирается до верхнего уровня, то уже готов на все. Такая схема раскрутки мне претит, я на это не пойду.

— Поведайте о вашем участии в проекте РТР «Стань звездой». Как вам показались ребята, которые там работали?

— Ребята действительно милые, талантливые. У них все еще впереди, потому что они молоды. Они открыты полностью. Они не каждый сам за себя, они все вместе. Это большой плюс для них. Потому что, если сейчас произойдет какой-то сбой в менеджерском аппарате и их оставят на произвол судьбы, у них есть шанс выжить только вместе.

— Кем вы себя сейчас больше считаете — преподавателем или певицей?

— Я никогда не была педагогом, это не моя профессия. Я — вокальный продюсер, и это большая разница. Просто даю возможность общаться со мной на одном профессиональном языке, и если человек хочет достичь чего-нибудь с моей помощью, я могу ему подсказать. Вообще в нашей стране эту профессию выделила я.

Как, например, много лет назад никто не понимал, что такое бэк-вокал. Все называли это дело гадким словом «подпевки», унижая тем самым вокалиста. Профессию бэк-вокалиста я начала культивировать еще в «Лиге блюза» благодаря Николаю Арутюнову и многие годы диктовала свои условия на рынке. Раньше к бэк-вокалистам относились вообще как к низшему сорту. А сейчас понимают, что за Принцем стоят гениальные певицы, за Джо Кокером стоят гениальные певицы...

— А вам приходилось петь не как бэк-вокалистке, а просто петь за кого-нибудь?

— Как эксперимент — приходилось. Бэк-вокалом я уже не занимаюсь, не пою ни для кого, хотя в свое время «спела» 180 альбомов — можете представить, какая глобальная работа была проведена. Другое дело — за человека спеть... Нет, конечно... Хотя мне задавали вопросы: «А не могли бы вы?» или «Сколько это стоит?» Имели наглость. Нисколько это не стоит, этому нет цены (улыбается). Другой вопрос, было несколько неприятных моментов, когда я напевала пилотный вокал, а люди не «выключали» меня, при сведении на студии «подмешивая» к голосу певца. Я очень жестко решала подобные проблемы.

Маша Кац

19.03.03.